

На следующий день Микото просыпается уже у себя в комнате, заботливо укрытая. Рядом стоит тот самый "ночной" поднос, со свежесваренным, слегка остывшим кофе, яичницей и нарезанными яблоками, а маленькая записочка безо всяких слов говорит о том, чьих рук это дело.

«Ушел с Итачи на тренировку. Будем к обеду.»

Сознание, не до конца проснувшееся, молча переваривает информацию, пытаясь понять, почему Фугаку не на работе, а Итачи не с учителями. Поздно вспоминая, что сегодня выходной, Микото на автомате умывается, одевается и завтракает, прикидывая список сегодняшних дел. А вспоминая, она улыбается и возвращается в свою комнату, чтобы надеть свой тренировочный костюм, и выходит на тренировочный полигон, где всюду занимаются муж и сын.

Фугаку редко брал Итачи с собой на тренировки, но когда брал, то выжимал из мальчика максимум способностей. Да он и сам тренировался так, что с полигона буквально уползал. Сейчас же... виднелись явные различия в отцовской и сыновей тренировках: движения Фугаку были пропитаны силой, были стремительны и очень выдержанны, но при этом были строго контролируемы, скованными (словно в определенных пропорциях), а Итачи отрабатывал серию самых обычных, не напитанных чакрой ударов. То, что это занятие сыну уже наскучило, было понятно по его хмурому взгляду, но вот в моменты, когда глаза ребенка поднимались на отца, можно было заметить едва скрываемое обожание. Сейчас Фугаку завораживал даже больше, чем во время своих обычных, напитанных яростной экспрессией, тренировок.

— Ка-чан! — Сын заметил подходящую Микото и, с кивка отца, сначала кинулся к ней, а потом, видимо вспомнив клановый этикет, перешел на шаг и с важным видом "приплыл" к матери. — С добрым утром!

— Доброе, Итачи, — она наклонилась, оставляя на его лбу короткий поцелуй. От ее внимания не укрылся восторг и возбуждение в детских глазах. — Как спалось?

— Хорошо. — Он с важным видом кивнул, цепляясь за край материнской майки, которую она надевала для тренировок. — Мы с то-саном с пяти утра на ногах. То-сан научил меня готовить яичницу и показал очень крутую технику тренировок, которая развивает контроль чакры.

— Вау, — Микото приподняла края губ, приветственно кивая ожидающему их Фугаку.

Все же помощник в лице Микото просто незаменим. Это Джонатан осознал уже очень давно. Как оказалось, пробудить и вернуть нормальное течение чакры в теле оказалось не то чтобы сложно... Нет, каналы у тела были очень даже разработанные: немного концентрации, немного усилий, и чакра уже сама струится по телу, навевая светлые воспоминания и голос Оби-Вана Кеноби: «Почувствуй Силу, Люк». Однако эта самая сила вызывала очень... непонятные

ощущения. Оказалось, сложно привыкнуть к ее течению внутри себя, хотя до этого он ее словно не ощущал (сказывалось то, что она была в абсолютном беспорядке). Постоянно что-то чесалось, хотелось пустить эту самую силу в руки и пройтись так по всему городу, хотя от сего бессмысленного поступка удерживал титул и незнание улиц. Зато Микото с невероятным терпением вбивала в его голову новые-старые знание, которые тело вспоминало уже на первой, в редком случае на второй, печати.

В том, что девушка (как оказалось, ей сейчас 25 лет, а ему 30) нравится именно ему, Джонатану, а не остаткам, рефлексам, телу старого Фугаку, парень понял уже давно. На самом деле они с Микото были ровесниками, до того, как его выдернули, ему только-только стукнуло 25, так что она, судя по всему, еще и старше. Анджелину предать не мог, а вот разум настаивал на принятии нынешних реалий. Тем более, что Микото была красива, фигуриста, так еще и умна, заботлива, терпелива... в общем он уже настолько привык к ней рядом, что волей-неволей, а черты оставшейся где-то там Анджелины становились расплывчатыми, невольно заменяясь на черноглазую брюнетку. И все-таки нравы в Америке свободные, поэтому даже душа где-то на подкорке допускала возможность "измены"... Да, о чем он собственно думает?! Джонатан встряхнул головой, возвращаясь к уборке полигона, где в абсолютном беспорядке были раскиданы порванные, сожженные, испепеленные, разрубленные, молотые, искрошенные и так далее по списку предметы.

Помимо чакры основной, которая тратилась на техники, усиление и ускорение, были еще стихии, с которыми Сальери был знаком еще по прошлому миру: огонь, вода, земля, воздух и, как ни странно, молния. По японскому (который уже начинал нравиться, а языколомкие названия притягивать): Катон, Суйтон, Дотон, Футон и Райтон. Были и более редкие, о которых в свитках только упоминалось, и которые являлись своего рода гибридами, такие как: Мокутон (он же Дерево) = Земля + Вода, Етон (Лава) = Земля + Огонь, Футтон (Пар) = Вода + Огонь, Хьетон (Лед) = Вода + Ветер, и многие другие. Причем эти самые гибриды были весьма и весьма редки, ценны и вообще что-то с чем-то, наподобие кеккей-генкай. Именно умение управляться со стихийными техниками было ценным, так как их разрушительная мощь была доступней и зачастую выше, чем у простых техник.

Собственно, эти техники оказались даже проще и понятней, так что к концу единственного выходного на неделе весь полигон был... поджарен до хрустящей корочки (Катон, как оказалось, присутствовал у всех Учиха), залит водой (второй стихией Микото) и немного наэлектризован (неожиданно, но приятно быть обладателем Райтона). Впрочем находились индивидуумы и с тремя и более стихиями, так что правящая верхушка Учиха была немного... посредственна.

Когда полигон был приведен в порядок, Итачи отправлен мыться, а Микото ушла готовить ужин, Джонатан всерьез задумался об одной вещи, что интересовала его сейчас больше всего. Как-то не хотелось узнавать о себе и своих чувствах подробности в пылу ссоры или какого-нибудь события, так что ситуацию с Микото было необходимо решить прямо здесь и сейчас.

Кто она для него? Жена? По статусу, бумагам и факту — да, а вот в душе он себя ее мужем не ощущал. Ведь это не он делал ей предложение, стоял у алтаря, встречаясь с невестой взглядом и, что главное, это не он участвовал в зачатии Итачи. Почему-то именно это создавало внутри него ощущение, что он занимает чужое место, забирает себе то, что ему не принадлежит. Итачи биологически его сын, а вот духовно он себя им не ощущал, и этот внутренний раздрай

угнетал. Микото прекрасный человек, к которому тянуло и с которым хотелось быть, но что-то внутри мешало.

Кто она для него? Подруга? Постфактум — да. Она видела его таким, каким его видели сопровождение до Конохи и медсестры. Она была к нему гораздо ближе на душевном уровне, к ней он всегда мог прийти за эти сложные три недели, чтобы просто положить голову ей на колени, закрыть глаза и уснуть. Она ни о чем не спрашивала, ничего не требовала, помогала. Она действительно была ему ближе, чем в свое время Анджелины.

Так кто же она для него? Сейчас, как никогда, Джонатан чувствовал себя несмысленным и путающимся в четырех лапах котенком. Такие душевные терзания он испытывал в последний раз в начале средней школы, впервые расставаясь с девушкой.

Разум, в конце концов, победил. Пути в свой мир ему нет, здесь он уже связан браком с Микото, к которой его тянет и которая ему симпатична, так что...

— «Ходу назад мне нет, а мучатся терзаниями по тому, чего больше не вернуть, я не собираюсь.» — Размашистым шагом возвращался домой (уже действительно домой) Фугаку. — «Она мне нравится, а в моем мире отчимы умудрялись как-то полюбить не своих детей, что же мне мешает попробовать построить свою новую жизнь? Да и потом... жене нужен муж, ребенку — отец, а клану — глава.»

Видимо возраст тоже влияет на мышление — было последней мыслью Джонатана перед тем, как он снял обувь на пороге своего дома.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/845949>